

ЮОЗАС БУДРАЙТИС

— Юозас, как на вашей личной жизни и на вашем актерском амплуа сказались события последних месяцев?

— Вы имеете в виду мои убеждения? Да я, как всегда думал, так и сейчас думаю. Я не превратился в шовиниста, экстремиста и кого там еще, а как и раньше, остаюсь человеком довольно широких или, точнее, демократичных взглядов. Я не придерживаюсь никакой партии, хотя по духу мне ближе социал-демократы, и теперь уже есть возможность вступить в такую партию. Но дело в том, что членство в любой организации предполагает соответствующую... ангажированность, скажем так, а я всегда избегал быть ангажированным, зависимым. Я помню, как еще в молодости, когда я служил в армии, мне предлагали вступить в КПСС, и я ответил то же самое, что говорю сейчас вам.

— Как ваши дети относятся к вашей аполитичности?

— Моей дочери — десять лет, а сыну — двадцать, они уже совершенно разумные люди и все прекрасно понимают. Мы все четверо в нашей семье мыслим в одном русле. Другое дело, что порой с женой спорим в отношении того или иного дей-

ствия правительства или отдельного человека.

— Ваша дочь пионерка?

— Нет, она не вступила в эту организацию.

— По идейным соображениям?

— Не думаю... Просто моим детям так же, как и мне, претит любая зависимость. Поэтому и сын не был ни пионером, ни комсомольцем. Дочь учится в школе, ходит на занятия по рисованию. Сын занимается в консерватории. Но поймите меня правильно, я не оказал на них никакого давления, к своим убеждениям они приходили самостоятельно.

— Следует ли понимать, что дети у вас в доме росли в условиях максимального свободного самоуправления и при желании имели возможность приходить к полуночи, пропускать занятия?

— Какой-то режим, конечно, все-таки существовал, и родительский диктат соответствовал — тоже. Согласитесь, что во всех случаях ребенка нельзя полностью предоставлять самому себе. Поэтому приходилось оказывать давление, а однажды в диалоге с сыном даже использовать самый последний аргумент — ремень.

— Ваш отец в общении с вами часто прибегал к такому аргументу?

— Всего два раза, причем примерно по тому же поводу, что и я. Но в целом, я считаю, отношения между родителями и детьми должны быть дружескими, доверительными.

— А вас не тревожит будущее вашей дочери, учитывая все, что сегодня происходит в мире?

— Страшновато, конечно. Парню проще. У него уже свой круг друзей, он и по характеру крепче. А девочка привязана к дому, она мягче, податливее, и, предположим, окажись она в неблагополучной подростковой компании, ей, может быть, труднее удержаться от неверного шага.

— Как, на ваш взгляд, будут развиваться события в Литве дальше?

— Одно могу сказать — решения от 11 марта уже никак нельзя отменить. И нет такой силы, которая могла бы это сделать.

Понимаете, суть в том, что литовец — человек миролюбивый, ему чужда агрессивность. Литовец прежде всего не воин, а трудяга. Но и трудиться, и размышлять он любит свободно, без принуждения.

— В широко известном фильме «Никто не хотел умирать», давно уже признанном классикой, вы играете роль одного из братьев в литовской семье, на судьбе которой драматически отразились все проблемы первых послевоенных лет, размежевание на «своих» и «чужих». Сюжет фильма как-то связан с судьбой вашей семьи?

— Буквально — нет. Хотя я помню, как мы бежали из дома, какое-то время скрывались от НКВД, скитались по огородам, лесам... Мне тогда было 7 лет.

— Вы сыграли более чем в шестидесяти фильмах, у вас есть любимая роль?

— Да, в фильме «С тобой и без тебя». Там у меня была роль русского мужика. Играл ее от души, с удовольствием! А так, кстати, приходилось играть и испанца, и

американца, и немца... Однажды даже пробовался на роль мулата. И ничего, обходилось без национальных конфликтов... в душе.

— У вас, вероятно, немало друзей среди российских актеров. Не отразились ли события последнего времени на ваших отношениях?

— Друзей действительно много, среди них Леонид Филатов, Олег Янковский, Марина Неелова. В общем — много. Я привык относиться к людям, исходя прежде всего из того, что они собой представляют как люди. Я всегда имею в виду каждого конкретного человека, а не сумму анкетных данных.

— А вам приходилось встречаться с ними после 11 марта?

— Пока нет, хотя я и так знаю, чувствую, что мои друзья понимают то, что происходит в Литве, правильно и не осуждают нас. Перемены немного ощущаются на другом уровне. В этом году у меня пока нет предложений от «Мосфильма». Обычно к апрелю-маю я получал от центральных киностудий 5—7 предложений.

— Задам самый модный вопрос: вы — верующий человек?

— Да, конечно. Я верю в человеческий дух, в те всемогущие, таинственные силы природы, которые помогают выстоять, не сломиться, не лишиться света в душе и теплоты в сердце.

— Одно время в печати появились ваши фотозарисовки, тонкие, ироничные, с неожиданным ракурсом. Теперь, насколько мне известно, вы больше занимаетесь живописью.

— Да, от фото я почти полностью ушел, потому что выразил в нем то, что просилось, а повторяться не хочется. Теперь занимаюсь живописью. Насколько серьезно можно оценивать мои работы — не знаю, но кое-что здесь, в Вильнюсе, выставлялось. Правда, в последнее время занимаюсь этим все меньше — нет красок.

— Даже у вас? Мне казалось, что при вашей популярности таких проблем не возникает. Или вы не любите злоупотреблять своей известностью?

— Мне не очень нравится, когда меня узнают, поэтому я стараюсь, при возможности, быть незаметным. Должен, кстати, сказать, что здесь, у нас, внимание ко мне неназойливо. Иду по улице и краем глаза замечаю, что меня узнают, но как бы стесняются, не подаются. И это, знаете, приятно.

В Москве — там по другому, более непосредственно, эмоционально. Прямо на улице может подойти совершенно незнакомый человек, поблагодарить за хорошую игру в каком-нибудь фильме, выразить свое мнение, попросить автограф. Такое поведение, признаюсь, меня тоже не огорчает. Бывают, правда, и курьезные ситуации. Однажды, например, меня в метро задержала милиция. Я шел, по своему обыкновению, подняв воротник старого, еще студенческого пальто, надвинув шляпу на глаза. Тут меня как подозрительного типа и взяли. Пришлось предъявить документы, доказывать, что я совсем не тот, на кого похож.

— Скажите, ваша популярность, не работает ли она дополнительно на ваш авторитет в семье?

— Не думаю, по крайней мере мне не хотелось бы.

— Чье же в таком случае слово является у вас в доме последним?

— Я избегаю категоричностей в таких деликатных делах. В семье не должно быть так. Нужно понимать друг друга без крайностей. Хотя, конечно, бывают ситуации, требующие конкретного решения. Но я не борюсь за лидерство.

— Что бы вы хотели себе пожелать?

— Сложный вопрос. Хотя знаете, наверное, в первую очередь видеть своих детей здоровыми и счастливыми. Хочется, чтобы они жили в обществе, по-настоящему свободном, и всегда имели возможность развиваться свободно.

Беседу вел
ВАЛЕРИЙ ЯКОВ.

(Сокращенно из газеты «Семья»).